

Мои воспоминанія и размышленія ¹⁾.

(Посвящается женѣ, дѣтямъ и внукамъ и внучкамъ).

Съ Петромъ Николаевичемъ Кудрявцевымъ я познакомился впервые у Авдотьи Андреевны Яковлевой въ первое полугодіе 1848 г., когда я по болѣзни не ходилъ въ университетъ. Я случайно съ нимъ встрѣтился и проговорилъ весь вечеръ; я былъ, кажется, первымъ студентомъ Московскаго университета, съ которымъ Петру Николаевичу пришлось долго бесѣдовать по возвращеніи его изъ-за границы. Бесѣдовали мы съ нимъ и о прослушанныхъ нами курсахъ Т. Н. Грановскаго и объ общихъ европейскихъ событіяхъ (это было уже послѣ февральской революціи), о вступительной лекціи П. М. Леонтьева, о замѣчаніяхъ, которыя онъ намъ сдѣлалъ по поводу того, что мы не записывали, и о впечатлѣніи, какое онъ этимъ произвелъ на студентовъ. Петръ Николаевичъ, много путешествовавшій съ Леонтьевымъ за границей, не только не считалъ его сердитымъ или взыскательнымъ, а напротивъ чрезвычайно кроткимъ, терпѣливымъ и снисходительнымъ, незлобивымъ и приводилъ тому примѣры. Встрѣчался я и впоследствии съ Петромъ Николаевичемъ у Авдотьи Андреевны, у которой онъ часто бывалъ запросто, выдаясь у нея съ своею бывшею ученицей, подругой Авдотьи Андреевны по институту, Варварой Арсеньевой Нелидовой, на которой онъ впоследствии и женился и которая въ то время жила гувернанткой у моихъ знакомыхъ Соцъ; встрѣчался я съ нимъ и въ кондитерской

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1916 г.

Педотти, куда онъ также заходилъ читать иностранныя газеты, впоследствии же я сталъ бывать и у него, уже послѣ того, какъ сталъ его слушателемъ. Выслушалъ я у него только одинъ курсъ новой исторіи, собственно только курсъ исторіи реформаціоннаго періода до Вестфальскаго мира включительно. Вотъ что я писалъ о немъ въ краткомъ его некрологѣ, напечатанномъ мною въ № 13 „Одесскаго Вѣстника“ (отъ 4-го февраля 1858 г.), котораго я былъ въ то время редакторомъ: „Съ глубокою и основательною ученостью онъ соединялъ блестящій даръ слова, живое пониманіе событій и лицъ историческихъ, глубокое и неизмѣнное сочувствіе ко всему высокому и прекрасному. Кто слушалъ его лекціи, тотъ не забудетъ, какое благотворное онѣ имѣли вліяніе не на обогащеніе только ума познаніями, а на возбужденіе его энергіи, любознательности и склонности къ самостоятельному изученію предмета; тотъ не забудетъ, съ какимъ сердечнымъ удовольствіемъ готовъ онъ былъ всѣхъ и cadaго изъ своихъ слушателей руководить на пути къ наукѣ, дѣлясь съ ними своими познаніями, посвящая имъ свое время въ частныхъ въ высшей степени полезныхъ бесѣдахъ“... Онъ былъ для насъ „образцомъ высочайшей добросовѣстности въ исполненіи всѣхъ обязанностей, образцомъ нераздѣльной преданности дѣлу, неизмѣнной нравственной твердости и вѣрности своимъ убѣжденіямъ... Говорить ли еще о многосторонности его образованія, о высокомъ развитіи его эстетическаго вкуса, о чрезвычайной воспримчивости къ красотамъ природы и къ изяществу въ произведеніяхъ всѣхъ искусствъ, какъ образовательныхъ, такъ равно словеснаго, музыкальнаго и сценическаго“.

Не разъ мнѣ случалось отъ него слышать, что онъ въ дѣлѣ своего образованія и развитія чрезвычайно многимъ былъ обязанъ Василю Петровичу Боткину: „Боткинъ взялъ меня, встряхнулъ и вытрясъ изъ меня всю семинарщину“,—говаривалъ Петръ Николаевичъ. И дѣйствительно едва-ли бы кто сказалъ, что первоначальное свое образованіе онъ получилъ въ духовной семинаріи. Собирались у него студенты по воскресеньямъ утромъ: другого времени онъ не могъ назначить, ибо кромѣ лекцій онъ еще давалъ не мало частныхъ уроковъ, особенно послѣ своей женитьбы, въ томъ числѣ, между прочимъ, извѣстной въ то время Московской красавицѣ Екатеринѣ Петровнѣ Ермоловой, о которой онъ говорилъ, что если бы учителю подобало питать чувства уваженія къ своей ученицѣ, то онъ сказалъ бы, что онъ искренно уважаетъ эту свою ученицу

за ея умъ, за ея даровитость, за ея добросовѣстное отношеніе къ ученію. Е. П. Ермолова съ такимъ же уваженіемъ и восхищеніемъ относилась къ своему учителю, какъ я слышалъ отъ нея самой, познакомившись съ нею у моей belle soeur, рожденной Апухтиной. „Что дѣлать“, говаривалъ Петръ Николаевичъ: „намъ приходится здѣсь справлять нашу обѣдню въ бесѣдѣ о различныхъ вопросахъ исторической науки“. Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ нисколько не имѣлъ въ виду отвлекать насъ отъ посѣщенія цѣркви или вести какую-либо антирелигіозную пропаганду, и никто изъ насъ не понималъ въ этомъ смыслѣ назначенія имъ времени для нашихъ посѣщеній, ни его словъ по этому поводу. Я не припомню ни на его лекціяхъ, ни въ его бесѣдахъ съ нами никакихъ антирелигіозныхъ заявленій, я умеръ онъ добрымъ христіаниномъ, пріобщившись святыхъ таинъ за три дня до своей смерти.

Чаще всего я встрѣчался у него изъ студентовъ съ Лохвицкимъ, Θεоктистовымъ, Бестужевымъ-Рюминымъ и Ешевскимъ. Бесѣды шли обыкновенно о прочитанныхъ каждымъ изъ насъ книгахъ, которыя при этомъ нами и возвращались, и о вышедшихъ вновь замѣчательнѣйшихъ книгахъ по исторіи, большею частью иностранныхъ, которыя успѣлъ прочесть Петръ Николаевичъ и о которыхъ онъ сообщалъ намъ свои замѣчанія. Толковали при случаѣ и о нашей журналистикѣ и вообще литературѣ и о замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ въ Московскомъ театральномъ мірѣ: помню, какъ восхищался Петръ Николаевичъ игрою Рашель и съ какимъ тонкимъ пониманіемъ относился къ исполненію ею каждой ея роли и какъ наслаждался онъ исполненіемъ „Севильскаго Цирюльника“ Россини прибывшею изъ Петербурга итальянскою труппою. Эта пьеса принадлежала къ числу любимѣйшихъ его оперъ, и онъ говаривалъ, что сколько бы разъ ее ни слушать, всякій разъ можно напередъ обѣщать себѣ нѣсколько часовъ большого художественнаго удовольствія. Со студентами онъ очень охотно знакомился и сближался, хотя никогда не искалъ у нихъ популярности и всегда оставался вѣрнымъ самому себѣ и потому очень простымъ и ровнымъ въ своемъ обращеніи съ ними. Какъ-то я уже по смерти шапал, но еще на той же квартирѣ, рѣшился пригласить его къ себѣ на вечеринку, на которую должны были собраться многіе изъ его слушателей-студентовъ и изъ постороннихъ Рамазановъ, съ которымъ онъ интересовался познакомиться. Петръ Николаевичъ принялъ мое приглашеніе, замѣтивъ только, что онъ уклоняется, вообще, отъ всякихъ не

предположенныхъ имъ заранее дѣйствій и особенно развлеченій, но что въ данномъ случаѣ онъ дѣлаетъ исключеніе изъ правила, желая запросто провести время съ нѣкоторыми изъ своихъ слушателей и потолковать съ Рамазановымъ объ Италіи и особенно о Римѣ. Вечеръ прошелъ замѣчательно оживленно и пріятно, Петръ Николаевичъ никого не стѣснилъ своимъ присутствіемъ и обворожилъ всѣхъ насъ своею непринужденною бесѣдою и своими живыми воспоминаніями, вмѣстѣ съ Рамазановымъ, объ Италіи. Рамазановъ зналъ множество народныхъ итальянскихъ пѣсень, и мастеръ былъ ихъ пѣть, самъ себѣ аккомпанируя на рояли, чѣмъ онъ и въ этотъ вечеръ доставилъ намъ всѣмъ большое удовольствіе, заключивъ свое пѣніе собственнымъ весьма удачнымъ и въ поэтическомъ, и въ музыкальномъ отношеніи произведеніемъ „Четыре времени года“ о томъ, какъ онъ показывалъ прелестной посѣтительницѣ его мастерской свое скульптурное произведеніе, изображавшее четыре времени года и все хотѣлъ, но запоздалъ сказать: „люблю, люблю тебя“. Миѣ неизвѣстно, было ли имъ или кѣмъ другимъ записано и издано это музыкально-поэтическое его произведеніе; но оно очень бы того заслуживало—Рамазановъ былъ большой талантъ и мастеръ на всѣ руки, и достойно всякаго сожалѣнія, что онъ съ теченіемъ времени совсѣмъ поддался пагубной страсти къ спиртнымъ напиткамъ.

П. Н. Кудрявцевъ производилъ впечатлѣніе человека въ высшей степени надежнаго, честнаго, неизмѣнно вѣрнаго и устойчиваго въ своихъ привязанностяхъ, разъ навсегда опредѣлявшаго свои отношенія къ людямъ и глубоко гуманнаго и снисходительнаго. Дошла до меня, еще студента, вѣсть, что Петръ Николаевичъ женится и притомъ на Варварѣ Арсеньевнѣ Нелидовой, которую я зналъ какъ гувернантку въ домѣ Соцъ, очень умную и остроумную, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень некрасивую, и я, встрѣтивъ на другой день Петра Николаевича у Педотти, вдругъ обратился къ нему съ сорвавшимся у меня съ языка вопросомъ: „Неужели вы женитесь на Варварѣ Арсеньевнѣ“.—Да, женюсь,—отвѣчалъ онъ очень просто, и я былъ совсѣмъ уничтоженъ этимъ простымъ отвѣтомъ и сразу почувствовалъ всю безтактность своего вопроса въ этой формѣ. Петръ Николаевичъ очень добродушно улыбнулся, и чтобы вывести меня изъ моего смущенія, спросилъ, прочелъ ли я какую-то передовую статью въ „Journal des débats“. Этотъ случай нисколько не измѣнилъ его отношеній ко мнѣ, но сталъ современемъ извѣстенъ самой Варварѣ Арсеньевнѣ не отъ мужа.

ея,—я въ томъ убѣжденъ,—а отъ 3-го лица, которому я имѣлъ неосторожность покаяться въ моей безтактности, и она, понятнымъ образомъ, стала меня недолюбливать, что, однако же, нисколько не отразилось на его отношеніяхъ ко мнѣ, какъ ни обожалъ онъ свою жену. Варвара Арсеньевна вообще не очень-то сочувствовала посѣщеніямъ ея мужа студентами и старалась по возможности ограждать его отъ нихъ; но въ этомъ отношеніи она никакого успѣха не имѣла. Впослѣдствіи у нихъ были назначенные вечера, помнится, по субботамъ, и эти вечера принадлежали къ числу самыхъ пріятныхъ, особенно когда на нихъ появлялся И. С. Тургеневъ, рѣдко пріятный собесѣдникъ, вносящій съ собою необыкновенное оживленіе и воодушевленіе въ общество. Тутъ же я имѣлъ случай познакомиться съ графиней Сальясъ (Евгенія Туръ). Изъ книгъ, которыми я пользовался изъ библіотеки Петра Николаевича, мнѣ помнятся особенно Michelet—*Histoire de la révolution française* и Achille de Vaulabelle—*Histoire de deux restaurations*; первое изъ этихъ многотомныхъ сочиненій Кудрявцевъ особенно хвалилъ за то, что Мишле вновь замѣчательно рельефно изобразилъ всѣхъ дѣятелей первой французской революціи, тогда какъ Ламартинъ въ своей *Histoire des Girondins* какъ бы нарочно всѣхъ ихъ ступшевалъ. Я ставилъ въ вину Мишле, что онъ является не столько объективнымъ историкомъ, сколько пристрастнымъ адвокатомъ и панегиристомъ первой французской революціи. Это вовлекло меня тутъ же въ сильную полемику съ Ешевскимъ, который, будучи и въ то время очень болѣзненнымъ, отличался большою раздражительностью и запальчивостью въ спорахъ, такъ что Кудрявцеву не легко было его уговорить и успокоить: по существу вопроса онъ скорѣе стоялъ на моей сторонѣ и не отрицалъ большой тенденціозности въ сужденіяхъ и оцѣнкахъ Мишле. У Волябея и я, и всѣ его читавшіе особенно восхищались необыкновеннымъ драматизмомъ въ изображеніи Ватерлооскаго сраженія и окончательнаго паденія Наполеона I. Отъ Петра же Николаевича я получилъ Mignet—*Histoire de la Révolution française* и Tocqueville—*d'ancien régime et la révolution*, и Gfrörer—*Gustav Adolph und seine Zeit*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Георгіевскій.

